

ИМЯ ДЕЯТЕЛЯ И ХАБИТУАЛИС: СЕМАНТИЧЕСКАЯ И ДИАХРОНИЧЕСКАЯ СВЯЗЬ¹

А. Б. ШЛУИНСКИЙ

Одной картины я желал быть вечно зритель...

Предметом рассмотрения в данной статье является семантический и синтаксический переход такого отглагольного деривата, как имя деятеля, в глагольную форму с хабитуальным значением. Этот семантический переход зафиксирован в разных языках мира и состоит в том, что имя деятеля начинает использоваться в качестве основного средства для выражения качественной разновидности хабитуального значения, а позднее получает более широкую хабитуальную дистрибуцию.

Одним из языков, наглядно демонстрирующих образование хабитуалиса из имени деятеля, является имбабура кечуа. Как показывается в [Cole 1985], в имбабура кечуа представлена аналитическая форма Хабитуалиса с референцией к прошлому, состоящая из смыслового глагола с показателем *-j* и прошедшего времени вспомогательного глагола (1a); для описания регулярной ситуации в настоящем используется другая форма, с показателем *-dur* (1b):

имбабура кечуа [Cole 1985: 149]

(1) a. *utavalu-pi mi trabaja-j ka-rka-ni*
Отавало-LOC EMPH работать-АСТОР AUX-PST-1SG

'Я обычно работал в Отавало'.

b. *utavalu-pi mi trabaja-dur ka-ni*
Отавало-LOC EMPH работать-АСТОР AUX-1SG

'Я обычно работаю в Отавало'.

И показатель *-j*, и показатель *-dur* этимологически являются показателями имени деятеля²; тем не менее, по свидетельству [Cole

¹ Работа выполнена при поддержке гранта РФФИ № 05-06-80258а.

² В [Cole 1985] сообщается, что суффикс *-dur* заимствован из испанского языка, где имеет фонетический облик *-dor*; испанский суффикс *-dor*, в свою очередь, как известно, восходит к латинскому суффиксу *-tor*.

1985], с точки зрения описываемого этой грамматикой состояния языка употребляются они именно как показатели, участвующие в образовании форм с хабитуальным значением.

В настоящей работе предлагается рассмотрение семантики имен деятеля и хабитуальных значений и описание ряда частных случаев.

1. Отглагольная деривация имени деятеля

Под именем деятеля понимается отглагольный дериват, соответствующий первому (или единственному) участнику ситуации, описываемой исходной глагольной лексемой; так, например, имя *учитель* производно от глагола *учить* и обозначает первого участника ситуации, описываемой этим глаголом, — «того, кто учит». В англоязычной литературе для обозначения этого типа отглагольной деривации, как правило, используется термин *agent / agentive nominalization*; традиционным латинским названием для данного типа дериватов является *nomen agentis*.

Имя деятеля является одним из семантических типов отглагольных имен, или номинализаций. Следует притом отметить, что в основном в лингвистических работах (как, например, в фундаментальных исследованиях по номинализациям, выполненных в рамках различных теоретических направлений, [Abney 1987; Koptjevskaja-Tamm 1993; Alexiadou 2001]) в центре внимания находятся такие номинализации, как имя действия, то есть отглагольные существительные, называющие саму ситуацию, типа *поедание*. Среди прочих семантических типов номинализаций, отличных от рассматриваемых нами имен деятеля, следует упомянуть имя объекта (например, *вязание*) и имя результата (например, *строение*).

В более широком понимании к числу имен деятеля можно отнести, с одной стороны, также и вообще все названия человека, характеризующие его участие в какой-либо ситуации, в частности названия профессий (ср. *каменщик*, *врач*), а с другой стороны, также и названия «механизмов» и инструментов (ср. *двигатель*). В первую очередь, однако, под именами деятеля понимаются названия человека (такими именами деятеля ограничен, например, материал, принимаемый к рассмотрению в [Шмелева 1983]).

Нам неизвестны крупные типологические исследования, посвященные именам деятеля. На материале индоевропейских языков (в первую очередь в историческом аспекте) этот тип отглагольной де-

ривации рассматривается в классической работе [Benveniste 1948]; крупным исследованием семантики имен деятеля в русском языке является неопубликованная диссертация [Шмелева 1983]; ряд работ посвящен именам деятеля в английском языке (назовем для примера известную работу [Rappaport Hovav, Levin 1992], а также более поздние работы [Busa 1996; Neuvaert 2002]). Благодаря этим работам, известны семантические и синтаксические свойства этого типа отглагольной деривации в отдельных языках, хотя и ждет эмпирической проверки их межъязыковая универсальность.

Имена деятеля семантически неоднородны: особенности лексической семантики исходного глагола накладывают ограничения на значение рассматриваемой отглагольной деривации. Сопоставление двух показательных английских примеров предлагается в [Carlson 1977: 63] (со ссылкой на [Zemach 1975]):

английский [Carlson 1977: 63]

(2) a. *John is a murderer.*

‘Джон убийца’.

b. *John is a teacher.*

‘Джон учитель’.

Предложение (2a) и его русский перевод истинны в том случае, когда в прошлом имело место событие ‘Джон кого-то убил’; необходимо и достаточно единичное осуществление этого события. (2b) и его русский перевод, напротив, в нормальном случае предполагают систематическое повторение события ‘Джон кого-то учит’; притом принципиально допускается аномальный случай, когда это событие не имеет места ни разу, но (2b), тем не менее, истинно (человек, состоящий в должности *учителя* в сельской школе, находящейся в брошенной деревне и не имеющей ни одного ученика, не перестает быть *учителем*, несмотря на то, что ему не довелось ни разу принять участия в ситуации ‘учить’). Возможно и совмещение в одном и том же имени деятеля значений, близких к (2a) и (2b), как, например, в случае (3):

(3) *У кафе, где возводились развалины, стоял меняла.* (Ф. Искандер) {НКРЯ}.

Предложение (3) имеет два значения. Первое из них, более вероятное, состоит в том, что ‘возле кафе находится человек, в данный момент выполняющий функции менялы’; таким образом, в этом случае достаточно единичного участия в ситуации ‘менять валюту’.

Второе значение таково, что ‘возле кафе находится человек, регулярно занимающийся обменом валюты’; в этом случае предполагается неограниченное многократное участие в ситуации ‘менять валюту’, никак не связанное притом с актуальным для предложения (3) моментом³.

Различие рассмотренных семантических типов имени деятеля в некоторых языках имеет формальные основания. В частности, в языке бамана имена деятеля с суффиксом *-la* соответствуют регулярному участнику ситуации (4a), а имена деятеля с суффиксом *-baga* соответствуют участнику единичной ситуации, совпадающей по времени с точкой отсчета (4b):

бамана [Dumestre 1987: 225]

(4) a. *mìn-kè-lá*

пить-OBJ-ACTOR.HAB

‘пьяница’⁴

b. *mìn-bágá*

пить-ACTOR

‘тот, кто сейчас пьет’⁵

Рассмотренные нами два семантических типа имен деятеля отмечены в литературе. Так, в [Benveniste 1948: 9—62] вводится противопоставление *nom d'auteur* vs. *nom d'agent*, где под *nom d'auteur* имеется в виду имя деятеля, обозначающее того, кто реально в действительности выполнил какое-либо действие, а под *nom d'agent* — имя деятеля, соответствующее тому, кто «призван» соответствующее действие выполнять. Аналогично, в [Wierzbicka 1969: 159—176] предлагается различие актуальных vs. узуальных «агентивных существительных». В более современной работе [Rappaport Hovav, Levin 1992] имена деятеля разделяются на событийные имена деятеля (*event agentive nouns*), предполагающие обязательное осуществление ситуации, описываемой исходной глагольной лексемой, и не-событийные (*non-event agentive nouns*), в семантику которых осуще-

³ Детальный разбор неоднозначной семантики примеров типа (3) см. в [Busa 1996].

⁴ Перевод [Dumestre 1987: 225] — «*buveur (consommateur habituel d'alcool)*».

⁵ Перевод [Dumestre 1987: 225] — «*buveur (en train de boire)*». Между (4a) и (4b), как можно заметить, имеется также и различие в лексическом значении (‘пить, потреблять жидкость’ vs. ‘пить алкогольные напитки’); такого рода семантический сдвиг представляется естественным результатом совмещения ряда предикатов с хабитуальным значением.

ствление этой ситуации не входит. Более детальная семантическая классификация имен деятеля на материале русского языка предлагается в [Шмелева 1983: 41—59]. Так, имена деятеля, имеющие эпизодические употребления, т. е. соответствующие единичной ситуации, разделяются на имена деятеля в актуальном значении, «содержащие значение одновременности» [Там же: 42], ср. (5), и имена деятеля в перфектном значении, которые «называют лицо по действию, которое было совершено ранее, но результат которого (...) важен для говорящего» [Там же: 44], ср. (6). Имена деятеля, подразумевающие регулярное участие в соответствующей ситуации, подразделяются на имена деятеля в значении свойства, которые «характеризуют лицо по действию, обычному для данного лица» [Там же: 48], но «не локализованному во времени» [Там же: 49], ср. (7), и имена деятеля в значении функции, которые «характеризуют лицо по действию, которое оно обязано выполнять, но не обязательно выполняет», ср. (8).

- (5) *Мы услышали голоса наших преследователей.* [Шмелева 1983: 42]
 (6) *Читая пьесы Шекспира, мы восхищаемся талантом переводчика.* [Там же: 44]
 (7) *Ты ведь знаешь, я уже давно не болтун.* [Там же: 48]
 (8) *Защитник Родионов посылает мяч в собственные ворота.* [Там же: 51]

Различие между именами деятеля в значении свойства и в значении функции представляется сравнительно тонким и не имеющим четкой границы. Тем не менее, при дальнейшем рассмотрении представляется целесообразным его использование: оно повторяет различие между отдельными частными значениями внутри семантической зоны хабитуальных значений, которая далее будет предметом нашего рассмотрения.

2. Хабитуальные значения

«Хабитуальное значение», описывающее «регулярно повторяющиеся ситуации, «привычные» действия, становящиеся характеристиками свойств субъекта» [Плунгян 1997], не является семантически единым. Существенные различия между частными значениями, относящимися к семантической зоне хабитуалиса, обсуждаются в [Dressler 1968: 62—64, 74—77; Cusic 1981: 78—111; Храковский 1989: 41—50; Долинина 1996: 232—237; Шлуинский 2006]. Охарактеризу-

ем здесь лишь те частные хабитуальные значения, которые наиболее существенны для описания развития категории хабитуалиса из имени деятеля.

Во-первых, это собственно хабитуальное значение, описывающее ситуацию, которая осуществляется с некоторой стандартной регулярностью, как правило, один раз (или известное число раз) в некоторый известный промежуток времени. Так характеризуется, в частности, хабитуальное значение в [Bybee et al. 1994: 127]: «Хабитуальные ситуации образуют повторяющиеся регулярно отдельные события»⁶. Типичным примером предложения с собственно хабитуальным значением является (9):

- (9) *Иван приходит ко мне каждый день.*

Во-вторых, это значения, которые представляется естественным отнести к числу индивидуальных хабитуальных значений. При рассмотрении семантической зоны хабитуалиса играет большую роль противопоставление между предикатами стадийного vs. индивидуального уровня (stage-level vs. individual-level predicates), восходящее к [Carlson 1977: 104—107] (содержательно сходная оппозиция предлагается, очевидно, независимо в [Булыгина 1982], где противопоставляются «качества» и «явления»). Если предикат стадийного уровня описывает свойства некоторой «стадии» существования индивида, то есть, иными словами, некоторую ситуацию, в которой этот индивид в течение какого-то времени принимает участие, то предикат индивидуального уровня, напротив, описывает существенные для самого индивида свойства. Собственно хабитуальное значение, проиллюстрированное выше (9), «применимо» к предикату стадийного уровня: это значение состоит в том, что некоторая ситуация является регулярной в течение какого-то длительного периода времени, за счет чего в существовании индивида имеет место множество сходных стадий. Прочие хабитуальные значения, которые мы здесь рассматриваем, подразумевают, что соответствующее высказывание содержит предикат индивидуального уровня⁷.

⁶ «Habitual situations are customarily repeated on different occasions».

⁷ Строго говоря, в формальной семантике (см., в частности, [Carlson et al. 1995]), в рамках которой употребляется данный термин, под предикатами индивидуального уровня понимаются те и только те предикаты, что ни в каком контексте не могут описывать ситуацию, в которой индивид участвует «временно». Тем не менее, вне рамок этого теоретического направления нам представляется оправданным расширительно называть предикатом ин-

Первое из этих значений — значение индивидуального состояния. Его особенность состоит в том, что предикатом индивидуального уровня является сама соответствующая глагольная лексема, и, таким образом, стадийного аналога, который мог бы регулярно повторяться, у этого значения в принципе нет:

(10) *Иван любит помидоры.*

Второе рассматриваемое нами индивидуальное хабикулярное значение — значение свойства, подразумевающего регулярные проявления. Такое значение имеет, в частности, предложение (11)⁸:

(11) *Иван курит.*

Значение свойства отличается от собственно хабикулярного тем, что если в случае собственно хабикулярного значения речь идет о регулярном повторении отдельных ситуаций, каждая из которых существенно короче по времени, чем тот период времени, в течение которого имеет место регулярное повторение, то в случае значения свойства речь идет о единой длительной ситуации (которая притом подразумевает регулярное осуществление некоторой другой ситуации).

Третье индивидуальное хабикулярное значение, которое существенно для дальнейшего изложения, — это квалитативное значение. Квалитативное значение состоит в том, что некоторый индивид «квалифицируется» как принадлежащий к некоторому классу и, в силу принадлежности к этому классу, регулярно участвует в ситуации, описываемой глаголом. Центральным и наиболее типичным случаем квалитативного значения является профессиональная характеристика человека: с одной стороны, профессиональная группа воспринимается как естественный таксономический класс, а с другой стороны, принадлежность к определенной профессии предопределяет некоторую ситуацию, в которой регулярно приходится участвовать, ср. (12):

индивидуального уровня всякий предикат, который характеризует основополагающие свойства индивида. Хабикулярные значения, которые мы относим к числу индивидуальных, типологически устойчиво проявляют большую семантическую близость, чем другие значения, принадлежащие к семантической зоне хабиулиса — см. подробнее [Шлуинский 2006: 63—69].

⁸ Точнее, предложение (11) имеет два прочтения, одно из которых состоит в том, что субъекту приписывается некоторое постоянное свойство, а второе — в том, что описывается единичная ситуация, совпадающая с моментом речи. Характерная особенность (11) состоит, однако, в том, что именно значение свойства оно имеет в нулевом контексте, в отличие, например, от предложения *Иван ест*.

(12) *Иван строит дома.*

Именно квалитативное значение является наиболее типичным контекстом для употребления имени деятеля в качестве именного предиката. Поскольку квалитативное значение в значительной мере сводится к тому, что субъект соотносится с классом себе подобных, оно практически тождественно семантически имени деятеля в значении функции в терминах [Шмелева 1983]. Так, предложение (13а) практически синонимично предложению (13б):

(13) а. *Иван водит автобус.*
 б. *Иван — водитель автобуса.*

Семантическую близость проявляют также хабикулярное значение свойства и имя деятеля в значении свойства. Так, например, в датском языке практически синонимичными оказываются предложения (14а) и (14б):

датский⁹

(14) а. *min bedstefar var ryg-er*
 мой дедушка быть.PST курить-ACTOR
 'Мой дедушка был курильщиком'.
 б. *min bedstefar røg*
 мой дедушка курить.PST
 'Мой дедушка курил'.

Примеры (14а-б) наглядно иллюстрируют разницу между датским и русским языками: если по-датски значение 'мой дедушка был курильщиком' наиболее естественно передается (14а), а (14б) требует более специального контекста, то для русского языка, напротив, перевод предложения (14б) наиболее естествен, в отличие от перевода (14а). Тот факт, что русское предложение (13б) воспринимается как более естественное, чем русский перевод (14а), говорит о том, что квалитативный контекст является наиболее стандартным для употребления имени деятеля. Тем не менее, для русского языка имя деятеля является не самым продуктивным отглагольным дериватом, а употребление финитного глагола в квалитативном контексте также

⁹ Примеры, не имеющие ссылок на источник, получены от информантов. Автор выражает свою признательность М. Эскильдсену (датский язык), У. Камара (язык сусу) и информантам, работавшим с Татарской и Балкарской экспедициями филологического факультета МГУ 2000 и 2002 гг. соответственно, при поддержке грантов РФФИ № 00-04-018022е и 02-04-18009е. Русские примеры, не имеющие ссылок на источник, сконструированы автором.

вполне естественно. Примером такого языка, где имя деятеля наиболее стандартно употребляется в качественном контексте и имеет высокий уровень продуктивности, является сусу.

3. Номинализации в сусу

Язык сусу группы манде имеет показатель номинализации *-yi*, присоединяющийся к глагольной основе по сложным морфонологическим правилам [Toure 1994: 139—141], ср. также [Houis 1963: 86—87]. Номинализации регулярно многозначны и имеют значение как имени действия, так и имени деятеля (а также, реже, и имени объекта, имени результата)¹⁰. Так, например, номинализация *xabwii*, образованная от глагола *xabu* 'ковать', обозначает как саму ситуациюковки, так и участника этой ситуации:

сусу

- (15) *xàbú* > *xàbwii*
 ковать ковать.NMN
 1. 'ковка'; 2. 'кузнец' [Toure 1994: 141]

При этом часто разные значения номинализаций имеют тоновые различия. Так, например, различное тоновое оформление в зависимости от значения имеют номинализации в (16) и (17):

- (16) *xónó* > *xónéé* vs. *xónèè*
 сердиться сердиться.NMN сердиться.NMN
 «сержение»¹¹ тот, кто сердится [ibid.: 141]
- (17) *idón* > *idón-yi* vs. *idón-yí*
 жевать жевать-NMN жевать-NMN
 'жевание'¹² 'жевальщик'¹³ [ibid.: 203]

Тоновые различия между номинализацией в значении имени действия и номинализацией в значении имени деятеля вызывают пред-

¹⁰ В русском языке представлены лишь исключительные случаи семантического перехода имени действия в имя деятеля, ср. *Командование полком — трудное занятие vs. Командование полка располагается в штабе*. См. о полисемии русских номинализаций [Апресян 1974/1995: 193—200], а также [Пазельская 2002: 61—84].

¹¹ Перевод [Toure 1994: 141] — «le fait de se fâcher, d'être amer».

¹² Перевод [Toure 1994: 203] — «le fait de mâcher».

¹³ Перевод [Toure 1994: 203] — «celui qui mâche».

положение об утраченном сегментном показателе имени деятеля, присоединявшемся ранее к номинализации. Вне зависимости, однако, от предшествующего исторического состояния, синхронно в языке сусу имеет место семантическая деривация имени деятеля от имени действия, иногда имеющая формальный коррелят в виде изменения тоновой структуры.

Номинализации в значении имени деятеля являются наиболее стандартным средством, которое используется в сусу в качественном контексте. Если некоторый индивид осуществляет некоторое действие профессионально, то наиболее естественный способ выразить это на сусу — номинализация в синтаксической позиции именного предиката:

- (18) *kedi sebée nan a ra*
 бумага писать.NMN EMPH он DEF
 '{Мой брат работает в одной конторе. — В чем состоит его работа? — } Он пишет письма [= Он писальщик писем]'. {TMAQ 25}
- (19) *n tata bande nin-yi nan ni a ra*
 я бабушка готовый.рис варить-NMN EMPH RETR он DEF
 '{Моя бабушка работала в столовой}. Моя бабушка варила рис [= Моя бабушка, варщиком риса была она]'.

Предложения (18)—(19) отличаются, например, от русского примера (13b) высокой степенью продуктивности. Если для русского языка такое употребление имени деятеля ограничено, как правило, теми случаями, когда это имя деятеля является фиксированной лексической единицей, то для сусу именно оно является наиболее естественным. Можно, таким образом, говорить, что в сусу конструкция с именем деятеля стала специализированным средством для выражения качественного значения.

4. Хабитуалис на *-u-čy* в тюркских языках

Глагольная система ряда языков, относящихся к тюркской семье, содержит специализированную форму Хабитуалиса на **-u-čy* (сегмент **-u-*, предшествующий хабитуальному аффиксу **-čy*, исходно является показателем имени действия). Одним из языков, имеющих эту форму, является карачаево-балкарский; предложения (20) и (21) описывают ситуации, имеющие место регулярно, то есть имеют собственно хабитуальное значение:

карачаево-балкарский (черекский говор)

(20) *fatima qartoš sat-iu-cu-du.*
Фатима картошка продавать-NMN-HAB-3SG
'Фатима обычно продает картошку'.

(21) *süt ac-iu-cu-du.*
молоко киснуть-NMN-HAB-3SG
'Молоко обычно прокисает'.

Карачаево-балкарский Хабитуалис употребляется в первую очередь в собственно хабитуальных контекстах; но возможно его употребление и в контексте свойства (22) и в качественном контексте (23):

(22) *qarindaš-im tütün ice-ü-cü-dü*
брат-1SG табак пить-NMN-HAB-3SG
'Мой брат курит'.

(23) *men-ni inna stolovaja-da işle-j e-di*
я-GEN бабушка столовая-LOC работать-IPFV AUX-PST
em šorpa bišire-ü-cü e-di
и суп варить-NMN-HAB AUX-PST
'Моя бабушка работала в столовой и варила суп'.

По свидетельству [Юлдашев 1965: 157—158], аналогичные хабитуальные формы «для обозначения типичного, очевидного действия в отрыве от какого-либо конкретного проявления его» представлены в киргизском, каракалпакском и казахском языках, ср. (24):

казахский [Юлдашев 1965: 158]

(24) *sen kel-ü-çi e-di-ñ*
ты приходишь-NMN-HAB AUX-PST-2SG
'Ты имел обыкновение приходишь'.

Проиллюстрированная (20)—(24) форма Хабитуалиса является ярким примером глагольной формы с хабитуальным значением, этимологически являющейся именем деятеля. Суффикс *-çy в тюркских языках исходно является деривационным существительным, образующим именную лексему.

Об этимологии именного суффикса *-çy есть разные точки зрения (см. [Тенишев 1988: 144]), однако известно, что первично его употребление со значением профессии в качестве отыменного аффикса (гипотезы о более глубокой этимологии касаются его лексических источников, в частности, иранских заимствований). Исходное употребление суффикса *-çy может быть проиллюстрировано башкирским

примером (25a): от существительного образована именная лексема со значением профессии. Результатом семантического развития этого суффикса являются прочие отыменные образования со значением постоянной характеристики, как, например, (25b). Наконец, (25c) иллюстрирует присоединение суффикса *-çy к отглагольному именному деривату — имени действия на *-u; такая морфологическая комбинация естественным образом дает значение имени деятеля:

башкирский [Тенишев 1988: 145]

(25) а. *balyk-sy* б. *staxanov-sy* с. *jaz-yv-sy*
рыба-ACTOR Стаханов-ACTOR писать-NMN-ACTOR
'рыбак' 'стахановец' 'писец'

Следует оговорить, что в тюркологии не существует единой точки зрения о том, каков исходный синтаксический класс дериватов *-çy, образованных как от непроемных существительных, так и от имен действия: возможна их трактовка как существительных или как прилагательных (последнюю точку зрения см., в частности, в [Серебренников, Гаджиева 1986: 99—100]), так как тюркские языки в целом легко допускают употребление существительного в атрибутивной позиции. В связи с этим форма на *-u-çy, образованная от имени действия, часто характеризуется в литературе как «вторичная форма причастия» (ср., например, [Баскаков 1952: 435—437]), то есть отглагольная форма, образованная не напрямую от глагола и способная притом иметь атрибутивное употребление (образуя тем самым относительное предложение). Предметом нашего рассмотрения является, однако, употребление этой формы как имени деятеля.

Таким образом, все тюркские языки имеют продуктивное отглагольное образование на *-u-çy, в большинстве языков употребляющееся как имя деятеля. Стандартное употребление такого рода может быть проиллюстрировано татарским примером (26):

татарский (мишарский диалект)

(26) *jul-da kxz-ga ket-ü-çe-lär xçr-xj*
дорога-LOC девочка-DAT пасти-NMN-ACTOR-PL встречаться-PRES
'По дороге девочке встречаются пастухи'.

В указанных выше языках произошел семантический переход этого деривата в категорию хабитуалиса с включением его в систему глагольного словоизменения. В отличие от номинализаций языка су-су, рассмотренных в 3, карачаево-балкарский Хабитуалис, семантически производный от имени деятеля, не ограничен качественными

контекстами или контекстами свойства, а имеет в первую очередь стандартную дистрибуцию хабитуалиса (ср. набор типичных хабитуальных контекстов в [Dahl 1985: 97—98]). Форма на *-и-ѐу является, таким образом, иллюстрацией того случая, когда описываемый переход уже произошел полностью.

5. Имена деятеля в английском языке

Третий случай развития хабитуальных употреблений у имен деятеля, который мы рассмотрим в настоящей работе, — это деривация имен деятеля на *-er* в английском языке. Как уже было сказано, этому типу английской номинализации посвящена специальная литература, поэтому мы остановимся лишь на тех особенностях его употребления, которые существенны с точки зрения рассматриваемого нами семантического перехода. Деривация на *-er* — это продуктивная отглагольная модель, как правило, рассматриваемая как средство образования существительного со значением профессии (таких как *teacher* ‘учитель’), а также и со значением инструмента (о различных значениях этой деривации см. [Chung 1998]). Однако хотя бы в окказиональных употреблениях образование имени деятеля затрагивает широкие пласты глагольной лексики, включая неагентивные глаголы, ср. дериваты от глагола *cough* ‘кашлять’ в (27) и от глагола *know* ‘знать’ в (28):

(27) *More chameleon than Camille, Dustin proves himself just as natural a cougher.*

‘В большей степени хамелеон, чем Камилла, Дастин доказывает, что он кашляет по-настоящему [= что он настоящий кашлятель] {BNC}’.

(28) *L. Code argues that epistemology should not be divorced from ethics; one should be a responsible knower.*

‘Л. Код показывает, что эпистемология не должна быть отделена от этики; следует отвечать за знание (того и другого) [= следует быть ответственным знателем] {BNC}’.

Отсутствие лексических ограничений на присоединение показателя *-er* не безгранично: в [Rapaport Hovav, Levin 1992] показано, что невозможно образование *-er*-дериватов от «неаккузативных» глаголов: **dier* ‘«умиральщик»’, **disappearer* ‘«исчезальщик»’. Тем не менее, класс английских имен деятеля на *-er* является открытым.

Употребление имени деятеля на *-er* в качественном значении является наиболее предсказуемым (как мы показали выше, для имен деятеля естественно употребление в синтаксической позиции именного предиката именно в качественных высказываниях), ср. (29):

(29) *She is a writer, she can write her own book.*

‘Она писатель, она может написать свою собственную книгу’ {BNC}.

Характерно и его употребление в значении свойства:

(30) *I have had four children myself and I was a smoker before they were born.*

‘У меня у самой было четверо детей, и я курила [= была курильщиком] до их рождения’ {BNC}.

Существенно отметить, что английский язык в большей степени, чем, например, русский, предполагает употребление в контекстах типа (29) и (30) именно имен деятеля, а не стандартных финитных глагольных форм. Кроме того, помимо ожидаемых для имени деятеля в предикативной позиции контекстов с качественным значением и со значением свойства, имя деятеля употребляется и в значении индивидуального состояния (31), и, хотя такие употребления на данном этапе исторического развития английского языка и являются крайне периферийными, в собственно хабитуальном значении (32). Значение предложения (32) состоит в том, что регулярно повторяется ситуация, описываемая исходной глагольной лексемой *sing* ‘петь’:

(31) *He is a lover of warfare, but only in the pursuit of peace.*

‘Он любит войну [= любитель войны], но только ради мира’ {BNC}.

(32) *In the evening she's a singer with the band.*

‘По вечерам она поет с оркестром [= по вечерам она певец с оркестром]’ (The Beatles).

Таким образом, в английском языке «на глазах» происходит развитие у имен деятеля на *-er* хабитуальных употреблений. Интересно отметить, что развитие хабитуальной семантики происходит задолго до полной грамматикализации конструкции с именем деятеля: даже для качественного значения нельзя признать английскую конструкцию с именем деятеля основным (и тем более единственным) средством его выражения.

6. Заключение

Для имени деятеля, таким образом, можно постулировать следующий путь диахронического развития. Имя деятеля может быть производно от имени действия — при помощи специализированных морфологических средств либо семантически. Для имени деятеля характерно употребление в предикативном контексте в качественном значении. Следующий шаг — употребление имени действия в значении свойства. Далее возможно, с одной стороны, расширение индивидуальных употреблений, к числу которых принадлежат эти два типа употреблений, до значения индивидуального состояния, а с другой стороны, развитие собственно хабитуального значения. Указанный путь семантического развития схематически отображен на Схеме 1.

(имя действия +) > имя деятеля > качественное > свойство > собственно хабитуальное > индивидуальное состояние

Схема 1. Путь семантического развития имени деятеля в предикативной позиции.

Именно с учетом рассмотренного нами материала существенно оговорить, что речь идет в первую очередь о семантическом развитии, принципиально независимом от степени морфосинтаксической грамматикализации: ни стандартное качественное употребление, ни наиболее производное собственно хабитуальное употребление имени деятеля само по себе вовсе не означает возникновения соответствующей аналитической (и тем более синтетической) глагольной формы. Но в других случаях описанный нами семантический переход иллюстрирует возможность «возвращения» в глагольную систему даже такого наиболее лексикализованного отглагольного деривата, как имя деятеля¹⁴.

Предлагаемые нами выводы в известной степени являются предварительными: требуется их эмпирическая проверка на более обширном типологическом материале. Кроме того, хотелось бы отметить следующие два вопроса, оставленные нами в стороне. Во-пер-

¹⁴ Разумеется, сама возможность образования аналитических глагольных форм, включающих в свой состав некоторую деривацию смыслового глагола, ни в коей мере не является новостью. Однако в классических случаях такого рода этой деривацией является причастие или деепричастие, режé имя действия, но не прочие типы номинализаций.

вых, требует специального исследования вопрос о том, какой лексический класс глаголов включается в число допускающих образование имени деятеля на каждом следующем шаге семантического развития. Очевидно, что качественное значение имеет достаточно жесткие лексические ограничения, тогда как в случае собственно хабитуального значения ограничения сводятся к тому, что это значение несовместимо со стативами индивидуального уровня. Во-вторых, требует отдельного рассмотрения соотношение имен деятеля с действительными причастиями (обе отглагольных деривации описывают первого участника ситуации, называемой исходным глаголом) и, в свою очередь, развитие хабитуальной семантики у действительных причастий. Пример употребления действительного причастия в составе аналитической формы хабитуалиса дает багвалинский язык, см. [Кибрик 2001: 231—239].

Тем не менее, типологическая устойчивость возникновения хабитуального значения у имени деятеля представляется довольно высокой, и тем самым имя деятеля образует любопытный семантический «мост» между номинализациями и аспектуальной семантической зоной предикатной множественности.

Условные обозначения

1, 2, 3	— 1, 2, 3 лицо	NMN	— имя действия
ACTOR	— имя деятеля	OBJ	— «встроенный» объектный показатель
AUX	— вспомогательный глагол	PL	— множественное число
DAT	— датив	PRES	— настоящее вр.
DEF	— показатель определенности	PST	— прошедшее вр.
EMPH	— эмфатический элемент	RETR	— показатель «ретроспективного сдвига»
HAB	— хабитуалис	SG	— единственное число
LOC	— локатив		

Сокращения

BNC — British National Corpus, <http://sara.natcorp.ox.ac.uk>
 TMAQ — Tense-Mood-Aspect Questionnaire, [Dahl 1985]
 НКРЯ — Национальный Корпус русского языка, <http://ruscorp.org.ru>

Литература

- Апресян 1995 — *Апресян Ю. Д.* Лексическая семантика. М., 1974 (переизд.: *Апресян Ю. Д.* Избранные труды. Т. 1. Лексическая семантика. М., 1995).
- Баскаков 1952 — *Баскаков Н. А.* Каракалпакский язык. Ч. II. Фонетика и морфология. М.: АН СССР, 1952.
- Булыгина 1982 — *Булыгина Т. В.* К построению типологии предикатов в русском языке. // Семантические типы предикатов / Под ред. О. Н. Селиверстовой. М.: Наука, 1982.
- Долинина 1996 — *Долинина И. Б.* Количественность в сфере предикатов (категория «глагольной множественности») // Теория функциональной грамматики. Количественность / Под ред. А. В. Бондарко и др. СПб.: Наука, 1996.
- Кибрик 2001 — Багвалинский язык. Грамматика, тексты, словари / Под ред. А. Е. Кибрика. М.: Наследие, 2001.
- Пазельская 2002 — *Пазельская А. Г.* Аспектуальность и другие параметры значения русских предикатных имен: Дипломная работа. М.: МГУ, 2002.
- Плунгян 1997 — *Плунгян В. А.* Вид и типология глагольных систем // Труды аспектологического семинара филологич. фак-та МГУ им. М. В. Ломоносова / Под ред. М. Ю. Чертковой. Т. 1. М.: МГУ, 1997.
- Серебренников, Гаджиева 1986 — *Серебренников Б. А., Гаджиева Н. З.* Сравнительно-историческая грамматика тюркских языков. 2-е изд. М.: Наука, 1986.
- Тенишев 1988 — *Тенишев Э. Р. и др.* Сравнительно-историческая грамматика тюркских языков: Морфология / Под ред. Э. Р. Тенишева. М.: Наука, 1988.
- Храковский 1989 — *Храковский В. С.* Семантические типы множества ситуаций и их естественная классификация // Типология итеративных конструкций / Под ред. В. С. Храковского. Л.: Наука, 1989.
- Шлуинский 2006 — *Шлуинский А. Б.* К типологии предикатной множественности: организация семантической зоны // ВЯ. 2006. № 1.
- Шмелева 1983 — *Шмелева Е. Я.* Названия производителя действия в современном русском языке (словообразовательно-семантический анализ): Дис. ... канд. филол. наук. М., 1983.
- Юлдашев 1965 — *Юлдашев А. А.* Аналитические формы глагола в тюркских языках. М.: Наука, 1965.
- Abney 1987 — *Abney S. P.* The English noun phrase in its sentential aspect: Ph. D. Dissertation. MIT, 1987.
- Alexiadou 2001 — *Alexiadou A.* Functional Structure in Nominals: Nominalization and Ergativity. Amsterdam; Philadelphia: John Benjamins, 2001.
- Benveniste 1948 — *Benveniste E.* Noms d'agent et noms d'action en indo-européen. Paris, 1948.
- Busa 1996 — *Busa F.* The Semantics of Agentive Nominals in Generative lexicon // Proceedings of ECAI Workshop on Predicative Forms for the Lexicon / P. Saint-Dizier (ed.). Toulouse, 1996.

- Bybee, Perkins, Pagliuca 1994 — *Bybee J. L., Perkins R., Pagliuca W.* The Evolution of Grammar: Tense, aspect and modality in the languages of the world. Chicago: University of Chicago Press, 1994.
- Carlson 1977 — *Carlson G.* Reference to kinds in English: Ph. D. dissertation. University of Massachusetts, 1977.
- Carlson et al. 1995 — *Carlson G. N., Chierchia G., Link G., Krifka M., Pelletier F. J., ter Meulen A.* Introduction to Genericity // The Generic Book / G. N. Carlson, F. J. Pelletier (eds.). Chicago: The University of Chicago Press, 1995. Pp. 1—124.
- Chung 1998 — *Chung T.* English Psych Verb Constructions and -Er Nominals // Korean Journal of Linguistics. 1998. Vol. 23, 4. P. 723—741.
- Cole 1985 — *Cole P.* Imbabura Quechua. London etc.: Croom Helm, 1985.
- Cusic 1981 — *Cusic D.* Verbal Plurality and Aspect. Ph. D. dissertation. Stanford: Stanford University, 1981.
- Dahl 1985 — *Dahl Ö.* Tense and Aspect Systems. Oxford, 1985.
- Dressler 1968 — *Dressler W.* Studien zur verbalen Pluralität. Wien: Österreichische Akademie der Wissenschaften, 1968.
- Dumestre 1987 — *Dumestre G.* Le Bambara du Mali: Essais de description linguistique. Paris: Université de la Sorbonne nouvelle, 1987.
- Heyvaert 2002 — *Heyvaert L.* Nominalization as an 'interpersonally-driven' system // Functions of Language. 2002. Vol. 8, 2. P. 283—324.
- Houis 1963 — *Houis M.* Étude descriptive de la langue susu. Dakar, 1963.
- Koptjevskaja-Tamm 1993 — *Koptjevskaja-Tamm M.* Nominalizations. L.; N. Y., 1993.
- Rappaport Hovav, Levin 1992 — *Rappaport Hovav M., Levin B.* -er Nominals: Implications for a Theory of Argument Structure // Syntax and Semantics. 26: Syntax and the Lexicon / T. Stowell, E. Wehrli (eds.). N. Y.: Academic Press, 1992. P. 127—153.
- Toure 1994 — *Toure A.* Eléments de description de la langue soso. Thèse de doctorat. Grenoble, 1994.
- Wierzbicka 1969 — *Wierzbicka A.* Dociekania semantyczne. Wrocław, 1969.
- Zemach 1975 — *Zemach E.* On the adequacy of a type ontology // Synthese. 31. 1975. P. 509—515.